

18+

Людмила Лапина

КРЫМСКАЯ ПРАКТИКА

Мистическая повесть

Людмила Лапина

КРЫМСКАЯ ПРАКТИКА.
Мистическая повесть

«Издательские решения»

Лапина Л.

КРЫМСКАЯ ПРАКТИКА. Мистическая повесть / Л. Лапина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-551184-3

Практика ленинградских студентов-историков на древней земле Крыма
раскрывает тайны дохристианских культур. Крымские впечатления определяют
будущее талантливой молодежи.

ISBN 978-5-00-551184-3

© Лапина Л.
© Издательские решения

Содержание

КРЫМСКАЯ ПРАКТИКА	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

КРЫМСКАЯ ПРАКТИКА

Мистическая повесть

Людмила Лапина

© Людмила Лапина, 2021

ISBN 978-5-0055-1184-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КРЫМСКАЯ ПРАКТИКА

Мистическая повесть

Крым, лето 1979 года

Ветер, налетевший из пропахшей полынью степи, бросил горсть пыли в лицо молодой практикантке. Она закашлялась и заморгала. Оказывается, история и в самом деле – пыльная наука. По окончании первого курса истфака ЛГУ студенты разъехались на летнюю практику. Карина Лаврецкая очень радовалась, что ее направили в Крым. Она мечтала, как вернется домой с роскошным крымским загаром, придающим коже золотистый оттенок. Можно загорать и в Ленинграде, на пляже у Петропавловки, или совсем близко от дома, на излучине Невы за Смольным монастырем, но ленинградский загар слишком темен, а с ее темными глазами и волосами становишься похожей на индианку Тиллотамму, о которой писал Ефремов в «Лезвии бритвы», или на Таис Афинскую из его же романа. Нет, у нашей Таис глаза серые. А француз Анатоль Франс в прошлом веке написал, что Таис была блондинкой с фиалковыми газами.

Вспоминая романы любимых авторов, девушка продолжала свое занятие: просеивала через решето отвалы земли с археологического раскопа. В конце июля студентка-практикантка одета в клетчатую рубашку с длинными рукавами и парусиновые штаны, сшитые ее мамой на швейной машинке «Зингер». Карина впервые уехала одна так далеко от дома, от мамы и деда, и скучала по ним. Но археологическая практика была очень интересна: теоретические знания, полученные на лекциях, подкреплялись находками, вырываемыми из древней крымской земли, и выстраивались в стройную систему научного мировоззрения. Житейские навыки Карины тоже пополнились: она научилась чистить зубы и умываться одной кружкой воды. Эту большую фаянсовую кружку с изображением Медного Всадника положила ей в рюкзак мама, собирая дочь в дальнюю дорогу. Оказалось, что вода в лагере археологов привозная. Старый, но еще крепкий дед Павло и его сонная лошадка в одинаковых соломенных шляпах привозили из ближайшего села на телеге ученым в понедельник и среду две бочки воды, а в пятницу – три. Разгружали их сам дед и молодые практиканты. Студентки, кто похрабрее, в это время гладили лошадку и угощали ее кусочками сахара. Профессор, руководитель практики, наблюдал за этими процессами. Потом они с дедом, присев в тенечке, беседовали, курили, профессор – трубку, дед – козью ножку, набитую махоркой, пили крепкий обжигающий чай и расставались, весьма довольные друг другом.

Ленинградка Карина, привыкшая мыться, когда захочет, и под душем, и в большой ванне, быстро наполняющейся голубой невской водой, представить не могла до этого года, какое же удовольствие – возможность, не экономя, расходовать воду. Девушка поняла это только здесь, в пыльной крымской степи. Еще можно было искупаться в мелкой степной речушке, но идти туда надо было километра три в одну сторону. Иногда, в выходные, практиканты во главе с профессором ходили на море за десять километров.

Карина полюбила море с первого взгляда – сначала мелкие воды Финского залива, с мягким шорохом выплескивающиеся на песчаные берега. В четыре года родители вывезли ее в Алушту. Здесь берег был галечным, и Карина в первый же день, выходя из моря, разбила обе коленки. Сразу и навсегда полюбила она Черное море. Оно завораживало переливами солнечных зайчиков на спокойной голубой поверхности, когда солнце стоит в зените, и перламутровым зеркалом воды в конце дня, когда солнце огненной каплей медленно сползает за горизонт. На рассвете и ночью Карина еще не бывала на море – в семье ее воспитали достаточно строго. Сияющая голубизна летнего крымского неба и мягкая синева моря жили в памяти Карины так же, как детское увлечение древними греками. Их мифы о богах и героях развивали ее воображение. Ей казалось странным и нелепым, что древние греки не видели синевы моря – им оно

представлялось винно-красным, как рассказывал ей дед-фронтовик, читавший Гомера в переводах и в подлиннике. О том, что некоторые считают Гомера женщиной, дед пока не говорил внучке, оберегая ее неокрепшую душу.

Профессор Андрей Петрович, доктор исторических наук, казался Карине похожим на ее дорогого дедушку: среднего роста, широкоплечий, почти квадратный, он был очень силен. В археологической экспедиции он перестал бриться и зарос черной бородой, в которой уже пробивалась седина. Курчавой шевелюрой он походил на древнего грека, только греки не курили трубки, а Андрей Петрович дымил как паровоз. Впрочем, дед и отец Карины тоже курили, и девушка спокойно относилась к запаху табачного дыма.

В семье Карину ласково называли Корой. Дед ее, Иван Сергеевич, объяснил, что так древние римляне звали юную дочь богини плодородия, и ленинградка двадцатого века очень на нее похожа. Девушка молчаливо радовалась, что ее не назвали Аглаей – именем одной из трех греческих граций. Конечно, она с семьей посещала Эрмитаж, любовалась античными статуями и камеей Гонзага. Дедушка Иван знал об античном искусстве почти все, особенно восхищался он древними римлянами. Коре же больше по сердцу была солнечная Эллада, которую очень напоминает полуостров Крым.

Девушка отложила сито, сладко потянулась, взмахнув руками. От крымского солнца не спасали ни темные очки, ни широкополая шляпа. Голодный желудок издал слабое урчание. С радостью Кора услышала лязг поварешки по рельсу – наступил час обеда, и дежурный по кухне из числа практикантов созывал всех к столу. Студенты по очереди помогали поварихе бабе Наде, жене деда Павлу, резать овощи на салаты, рагу и фрукты на компот. Баба Надя хвалила Кору – мама с малолетства научила ее готовить, и девушка охотно помогала на кухне, когда наступала ее очередь. Работали в тенечке – кухню и обеденный стол прикрывала добротно устроенная деревянная крыша.

Кора умылась вместе с товарищами у ряда рукомойников и зашла в палатку переодеться перед обедом. Раньше, читая дневники европейских путешественников по Африке, она всегда удивлялась, что они переодевались к обеду. Прожив две недели в походных условиях, девушка поняла, что это не прихоть слишком цивилизованных людей, а насущная необходимость. В своей палатке Кора скинула пропыленные штаны и рубашку, стащила туго завязанные кеды и переоделась в сарафан из небеленого холста, отделанный вологодским кружевом – еще одну работу своей мамы. Кора заняла место за обеденным столом рядом с однокурсницей Леночкой, красивой голубоглазой блондинкой.

Обед на свежем воздухе... Что может быть лучше? Кора уплетала за обе щеки наваристый борщ и пшеничную кашу с курятиной, уже не стесняясь своего аппетита перед сокурсниками и преподавателем.

В конце обеда за вкуснейшим абрикосовым компотом Леночка отодвинула почти пустой стакан, подняла на профессора невинные голубые глаза и сладким голосом осведомилась:

– Андрей Петрович, а вы верите в загробную жизнь?

Профессор отставил стакан с компотом, вцепился в свою бороду и энергично сказал:

– Верю!

Студенты уставились на него во все глаза, повариха баба Надя ахнула, схватилась за сердце и опустилась на скамейку у плиты. Голос у Леночки громкий, пронзительный, её провокационный вопрос был хорошо слышен всем обедающим. Какая может быть загробная жизнь в Советском Союзе, атеистической стране? Дед Павло крикнул, затушил самокрутку каблуком сапога и присел рядом с женой. Над обеденным столом повисло напряженное молчание – все ждали от Андрея Петровича разъяснений его удивительного заявления. Профессор спокойно допил компот и продолжил свою мысль:

– Верю, потому что изучал древние культуры, с почтением относившиеся к загробному существованию. Взять хотя бы древнеегипетскую книгу мертвых, или Аид он же Гадес элинов,

в котором нашлось место и Тартару для грешников и Елисейским полями для заслуживших блаженство своей земной жизнью.

– А вы ещё, может быть, в бога верите? – пролепетала внезапно смутившаяся Леночка.

– В богов, особенно древних, – с тонкой улыбкой ответил профессор. – Давным-давно практиковались очень интересные религиозные культы, и христианство лишь одно из многих, манихейство и митраизм были более распространенными и сильными учениями.

Профессор обвел глазами потрясенные лица своих студентов, только в карих глазах Карины он заметил понимание – хотя бы названия некоторых религиозных учений ей знакомы.

– Мировые религии вы будете изучать на втором курсе, – сказал он. Окружающие потрясенно внимали ему и молчали. Андрей Петрович с мягкой улыбкой взглянул на своих подопечных. Баба Надя и дед Павло на своей скамейке украдкой взяли за руки. Карина сидела мрачная – она не любила обнаруживать свою некомпетентность в каком-нибудь ученом вопросе, хотя понимала, что ей это еще простительно, ведь она пока только учится. По навесу над обеденным столом застучали крупные капли дождя. Профессор поглядел в мрачное небо. На горизонте полыхали белые зарницы. Гроза на юге – страшное дело, что в горах, что в степи. Конечно, в раскопе сейчас делать нечего.

– Расскажите нам что-нибудь интересное, дорогой Андрей Петрович, – умильно попросила Леночка. Довольные затянувшимся перерывом, студенты обратились в слух, а пожилые супруги обнялись.

– Давайте разберем какое-нибудь стихотворение, подходящее нашему случаю, про юг и историю. Кто почитает? – и профессор вопрошающе взглянул на притихших студентов. – Вы же ленинградцы, мои дорогие, – значительно добавил он.

Студенты молчали. Гена стиснул голову большими ладонями. В памяти всплыло: «... под голубыми небесам великолепными коврами, блестя на солнце, снег лежит...» Гена мысленно застонал. Неужели он ничего сейчас не вспомнит, и серьезная умная Карина будет смеяться над ним вместе с легкомысленной Леночкой. Стихи вспоминались только Пушкина и только про зиму. Пушкин, мороз... А что является противоположностью морозу и холоду? Огонь! Конечно, огонь! Гена солидно откашлялся.

– Можно мне, Андрей Петрович?

– Слушаем тебя, Геннадий, – подбодрил его профессор. Молодой человек встал, прикрыл глаза, минуту помолчал и произнес:

*Плещут воды Флегетона,
Своды Тартара дрожат
Кони бледного Плутона
Прямо к нимфам Пелиона
Из аида бога мчат.*

– Спасибо, Геннадий, пока достаточно, садись, – сказал профессор, посмотрел, как молодой человек опустил на свое место, и произнес: – Ну-с, мои дорогие, давайте разбираться с первой строчкой. «Плещут воды Флегетона». Кто мне скажет, что такое Флегетон? – и он обвел своих студентов вопрошающим взглядом.

– Река, – робко пролепетала Леночка.

– Очень хорошо, а какая это река? – уточнил профессор. Леночка молчала.

– Адская, – солидно сказал Гена.

– Правильно, мой мальчик, но ад появился только в христианстве, а у эллинов был аид, – уточнил профессор. – И у Пушкина сказано: «из аида...», значит, Флегетон – река, текущая в аиде. А сколько рек, текущих в аиде, вы знаете?

– Стикс, Лета, – без запинки произнесла Кора.

– Очень хорошо. И это все? – спросил свою аудиторию Андрей Петрович.

– Разве их не две? – захлопала ресницами удивленная Кора.

– Их пять, моя дорогая, – важно сказал профессор. – Давайте считать: Стикс, Лета, Флегетон, Ахерон, Коцит.

Студенты молчали, потрясенные – как запомнить все эти сведения из древнегреческой мифологии?

– Стикс, мои дорогие, самая известная река царства Аида, подземного царства, – сказал Андрей Петрович. – И чем же она знаменита?

– Харон перевозит через нее души умерших, – помолчав, произнес Стас.

– Совершенно верно, – подхватил профессор. – Стикс – река страха, ненависти, мрака, она многократно огибает аид. А начало свое Стикс берет из Ахерона, реки боли и скорби. Это понятно?

Нестройный хор студентов подтвердил, что да, понятно.

– Конечно, Лета тоже известна – река забвения. Попавшие в аид души пьют из нее и забывают горести своей земной жизни, – профессор замолчал и улыбнулся своим мыслям. – Кстати, Лета не так далеко от нас, как вы думаете.

– Неужели она существует в действительности? – вскрикнула Леночка.

– Да, и здесь, в Крыму, – подтвердил профессор. Вскрикнули все его слушатели – и практиканты, и баба Надя, и дед Павло. И все изумленно уставились на профессора. Он продолжал:

– Да, говорят, что от Леты отделился извилистый Летийский ручей, и выходит он на поверхность около городка Старый Крым. Под горой Агармыш есть бездонный колодец.

Парни переглянулись.

– Он закрыт решеткой, – невинно произнес профессор. – А еще около горы Агармыш ходят странные туманы.

Парни умоляюще посмотрели на профессора.

– Нет, мы туда не поедem в этом году, – сказал Андрей Петрович. – Это далеко от нас, на другом конце полуострова, около мыса Меганом. Так какая же у нас третья река?

– Флегетон, – Леночка произнесла знакомое название.

– Флегетон, что характерно, река огненная, впадает в Тартар.

Профессор обвел сверкающими глазами своих слушателей. Они внимали. Он продолжил:

– Тартар – самая нижняя часть аида, огненное ущелье, где мучаются титаны, восставшие на Зевса. И какая у нас осталась река?

– Ко... – ко... – попытался вспомнить Стас.

Раздался дружный молодой смех. Баба Надя прикрыла рот ладонью, улыбка деда Павло спряталась в его сивых усах. Даже профессор усмехнулся и дернул себя за бороду.

– Эта река называется Коцит или Кокитос, река плача, по ее берегам бродят несчастные души, не имеющие драхмы или даже оболы. Они не могут заплатить Харону за перевоз. А почему они не могут заплатить Харону?

Повисло молчание. Молодежь растерянно переглядывалась, пожилая супружеская чета молчала. Стас откашлялся и робко произнес:

– У них нет денег, потому что хоронили их тайком, в спешке, и не положили им ни одной монетки.

Профессор с уважением взглянул на своего самого нерадивого студента.

– Вы правы, молодой человек.

Леночка взвизгнула:

– Ой, Стасик, какой ты умный!

Стас покраснел. Все замолчали и уставились на профессора. Как он разбирается в древних культурах!

Ливень лил, не переставая. Казалось, по деревянному навесу над кухней проносится лихая конница Буденного. Вертикальная стена воды отделила ленинградских археологов от всего мира. Андрей Петрович продолжал разбор стихотворения Пушкина, а разновозрастная аудитория с удовольствием внимала ученому.

– Скажите, друзья мои, почему Пушкин назвал Плутона бледным? – вкрадчиво спросил он.

– Он живет под землей, без солнца, – пролепетала Леночка. – Как... как дети подземелья Короленко.

Профессор хмыкнул.

– В общем, ты права, Елена Прекрасная.

Леночка приободрилась и выпалила:

– Андрей Петрович, а что такое Пелион?

– Это гора в Греции, Фессалия, близ Эгейского моря, там обитали герои древнегреческих мифов, нимфы, кентавры, что бились с лапидами.

Студенты жадно внимали своему учителю.

– Там жил мудрый кентавр Хирон, – продолжал он. – Чей это был учитель?

– Ясона и Геракла, – ответила Карина – благодаря деду она знала мифы древней Эллады.

– Правильно, Карина, – сказал профессор и посмотрел на стену дождя. Она стала почти прозрачной. Помолчали.

– Дети мои, давайте что-нибудь споем, – предложил Андрей Петрович.

Молодежь радостно загомонил, обсуждая, что петь, Стас уже набрал в грудь воздуха, чтобы завести: «Ты помнишь, как все начиналось...».

– Шаланды, полные кефали... – вдруг завел дед Павло приятным баритоном.

– В Одессу Костя приводил... – подхватила баба Надя густым сопрано. Кора потрясенно молчала. В их семье эта песня считалась почти неприличной. Осторожно поглядывая на профессора, песню запели Стас с Геней. Красавица Леночка старательно выводила сильным звонким голосом:

– И все биндюжники вставали, когда в пивную он входил.

Кора поморщилась – приличная девушка не должна знать, что такое пивная, не то что распевать песни о таком сомнительном заведении. Её дед Иван Сергеевич никогда не посещал подобных зланных мест. Кора впервые попробовала шампанское на прошлый новый, 1978 год, когда училась в десятом классе. Мама взяла с Кору обещание даже не пробовать вино в Крыму, и девушка твердо держала слово, не соглашаясь выпить со своими однокурсниками. Зачем пить вино, когда им дают так много вкусных фруктов, угощают сладкими компотами?

Песня кончилась, Кора из своих мыслей вернулась в настоящее. Гена, смущаясь, спросил:

– Андрей Петрович, а кто такие биндюжники?

– Это очень интересно, мои дорогие, – начал профессор. – Биндюжники – извозчики, перевозящие грузы в повозках, запряженных лошадьми-тяжеловесами, битюгами. И не всегда эти грузы были разрешенными.

– Контрабанда, Андрей Петрович? – Леночка вздернула пушистые пшеничные брови.

– В том числе, – подтвердил профессор. – Так вот, эти извозчики были лихими ребятами, мало кого боялись, а герой песни Костя был отважнее биндюжников. И еще интересно, что в Одессе этими извозчиками были, в основном, евреи. Профессия, мягко говоря, нетипичная для представителей этого народа.

– Почему? – удивленно спросила Леночка – этот преподаватель переворачивал все её жизненные устои.

– Деточка, евреи – народ с пяти тысячелетней историей, они грамотные уже пять тысяч лет. Можно только позавидовать тем сокровищам древней мудрости, которые они накопили за всё это время.

Студенты замерли, осмысливая полученные сведения.

– Представьте, наша Нева появилась позже, чем сформировался еврейский народ, – ненавязчиво добил их профессор. Дед Павло скрутил козью ножку и дымил аккуратно в сторону, чтобы никого не беспокоить.

Профессор замолчал и внимательно посмотрел на своих слушателей.

– Ну как вы, дорогие, не устали?

– Нет... нет... – раздалась нестройные возгласы.

Дождь почти прекратился. В Ленинграде шелест ливня по асфальту вызывает уныние, то здесь в Крыму, под прочным деревянным навесом, комфортно сидеть в свежести, прохладе и слушать интереснейшие умозаключения высоко эрудированного Андрея Петровича.

Кора задумалась. Здесь, в Крыму, многое ей стало ясно. В Ленинграде ей нравился однокурсник Дима Асеев, золотоволосый, голубоглазый, белокожий, он много знал. Как интересно рассказывал он Коре на переменах в очереди в студенческой столовой о короле Артуре, Святом Граале и рыцарях Круглого стола! Кора больше любила время мушкетеров – европейское средневековье казалось ей мрачным, скучным временем. Странно, почему Диме нравится это время. Кора вздохнула в унисон своим мыслям. Только здесь, к крымской степи поняла она, что её однокурсник вызывает в ней не совсем дружеский интерес. А он? Как он к ней относится? В конце учебного года они весело расстались, предвкушая поездки на свою первую студенческую практику: Кора – в Крым, Дима – в Вологду. Посылать друг другу письма они не обещали, но сейчас Кора каждый день ждала письмо от Димы. Она могла, конечно, и сама ему написать, но стеснялась. Девушка должна быть пассивной стороной. Вот Татьяна первая написала Онегину, и ничем хорошим её инициатива не кончилась. Кора не собиралась повторять её ошибку. Маме девушка писала регулярно, раз в неделю. Все письма археологической экспедиции забирал дед Павло и отправлял с почты своего села. Мама Кору, Антонина Ивановна, писала ей длинные письма, наставляла и ободряла. Свою сердечную тайну Кора пока не доверила даже маме, хотя в других ситуациях часто советовались с ней, они обсуждали происшествия в школе и институте, где училась Кора, её окружение, книги, фильмы, спектакли. Кора, оторванная от привычной жизни в уютной ленинградской квартире, скучала по дому. Лишь уехав далеко-далеко от матери и деда, она начала понимать, что очень многим в своей жизни она обязана именно им, своим любимым родным.

Под бархатное рокотание профессорского баса грезить было легко, но Кора заставила себя прислушаться к его словам.

– ... Данте пишет, что вода Стикса багрово-черная, запомните это. И Харон работает не безвозмездно. Умершие платят ему за перевоз. Откуда вытаскивают они драхмы?

Стас засмеялся, видимо, представив непристойную картинку, но быстро потупился и замолчал.

– Из рта, – ответил Гена. – Эллины клали в рот покойнику монету.

– Ты прав, благородный Геннадий, – сказал профессор. – Твое имя греческое, ты знаешь?

– Конечно, знаю, Андрей Петрович, – степенно ответил Гена.

– Умница. И что удивительно, драхмы в Греции используют до сих пор, – сказал профессор и победным взором окинул своих слушателей.

– Было очень интересно, – восторженно вскрикнула Леночка.

– Занимательно, – процедил Стас.

– Как в музее побывал, – радостно сказал дед Павло.

– Вы же, наверное, проголодались, – заохала баба Надя. – Сейчас будем ужинать.

Ребята восторженно завопили и вскочили со своих мест. Дождь кончился, западный горизонт освещало заходящее солнце. Казалось, его золотые лучи разгоняют дождевые тучи. Небо стремительно очищалось, на его темной восточной половине проступили сияющие звезды. Профессор внимательным взглядом окинул небосклон и распорядился:

– Девушки помогают с ужином Надежде Федоровне, парни идут со мной, осматриваем лагерь!

Дед Павло разжег кирпичную плиту и поставил два чана с водой – для каши и для чая.

– У нас будет сладкая пшенная каша с яблоками, – заявила баба Надя. Кора взяла нож и начала чистить яблоки. Леночка скривилась, но взяла доску, второй нож и стала их резать.

– Умницы, девочки, – похвалила их баба Надя.

Профессор шел с ребятами по лагерю, боясь, что дождь зальет палатки. Но палатки были поставлены надежно, во всех сделаны высокие деревянные полы. Стихия причинила минимальный ущерб палаточному городку ленинградских археологов. Раскоп, конечно, оказался залит, и до ужина парни вычерпывали воду.

Ужинали уже в темноте

В эту ночь Коре приснилась широко разлившаяся река под светлым, высоким небом, и она, Кора, пересекает эту реку на плоту, отталкиваясь шестом от дна. Воды реки, светлые, спокойные, тягучие, отливают перламутром и сизыми бликами, как Нева в белые ночи. Кора в восторге стремится вперед, шест в её руках так и мелькает, плот мощными рывками несется к берегу. Кора уже видит песчаный берег, а над ним – тёмную зелень островерхих деревьев на фоне почти белого неба. Солнца в вышине нет, берег, от которого отплыла Кора, постепенно заволакивает туман. Девушка чувствует, что ей нужно пристать к берегу, к которому она гонит плот, что там её ждет что-то хорошее. Когда плот ткнулся в песчаный берег, Кора увидела, что темный силуэт отделился от зелени кипарисов и двинулся к ней. Мужчина в темной одежде с геологическим молотком в левой руке правую протянул Коре. Она не могла разглядеть его лица, но руку узнала сразу и закричала:

– Папа!

Девушка проснулась с этим криком. Тяжело дыша, она увидела над собой брезентовый потолок палатки вместо светлого высокого неба из своего сна. «Где я была?» – потрясенно подумала Кора. Ответ прозвучал в её ушах песней, донесшейся издалека: «Стикс». Девушка вздрогнула. Данте что-то напутал. Она видела светлую, спокойную, величавую реку. Оказывается, Стикс может быть и таким. «У каждого свой Стикс», – в смятении подумала Кора. И рука отца... Девушка закрыла глаза и как наяву увидела широкую, мозолистую ладонь, протянутую к ней. А что могло случиться, если бы она коснулась руки отца своей? Кора вздрогнула, это сон, всего лишь сон. Девушка подумала, что маме этот сон она никогда не расскажет, да и вообще, пора вставать. По лагерю разносился звонкий голос Леночки, с чувством выпевавшей: «Утро красит нежным светом...»

– «Стены древние Кремля» – невольно подпела Кора.

– Каринка, вставай! – вопль Леночки раздался совсем рядом с палаткой.

– Сейчас! – откликнулась Кора, заряжаясь оптимизмом подруги.

Прошло несколько дней. В лагере археологов продолжалась работа. Постепенно, после ливня, просох раскоп, и в нем обнаружили интересные находки: бронзовые и костяные застёжки-фибулы, осколки краснофигурных и чернофигурных ваз. Леночка нашла почти целиком сохранившуюся плитку, политую желто-зеленой глазурью, и теперь ходила гордая и счастливая, как молодая королева. Кора немного ей завидовала и с еще большим рвением просеивала землю в своем раскопе. Тревожные сны ей больше не снились, и девушка была рада, хотя в той широкой тихой реке не было ничего страшного или отталкивающего. А берег, куда она приплыла, с темной зеленью кипарисов... это был, наверное, Элизиум, загробный римский остров блаженства. Росли бы на нем яблони, был бы Авалон, на который фея Моргана перенесла раненого короля Артура, любимого героя её однокурсника Димы. «Он очень любит яблоки», – радостно вспомнила Кора. Вдали от него она перебирала в памяти все их встречи, взгляды, разговоры и находила всё больше совпадений их вкусов, привычек, пристрастий.

За сливовым компотом Андрей Петрович постучал по столу, привлекая внимание своих студентов.

– Итак, друзья мои, сегодня пятница, – начал он. – У нас будет костер. Завтра работаем до обеда, отдыхаем, вечером будем купаться в море.

– Ура! – завопили обрадованные студенты. Они уже привыкли к жизни в археологическом лагере. Костер вечером в пятницу – приятная традиция: Андрей Петрович рассказывает что-нибудь интересное, не из программы, об истории Крыма, о быте древних греков, комментирует их мифы, разъясняет молодежи тайный смысл давно известных сюжетов.

После еды Кора собрала посуду и поблагодарила бабу Надю за вкусный обед.

– На здоровье, детонька, – ответила повариха. – Вот тебе письма, сегодня дед мой привез почту, – и она передала девушке два конверта. – Из дома пишут?

Кора быстро просмотрела адреса отправителей. Четкий почерк мамы она узнала сразу. А второе письмо... В груди Кору похолодело. Письмо от Димы! Как она ждала этого момента!

– Из дома, – невнятно пробормотала она. – Я пойду.

Прижимая к себе заветное письмо, девушка поспешила в свою палатку. Она не слышала окликов друзей. Даже Андрей Петрович отложил газету «Советская культура» и проводил озадаченным взглядом лучшую студентку этого курса. Она вбежала в свое временное жилище. Брезентовые стены обеспечили желанное уединение. Девушка села по-турецки на постель из надувного матраса и спального мешка ее погибшего отца-геолога. Поблуднев, она торопливо надорвала конверт, надписанный крупным твердым почерком. Это было первое письмо от ее однокурсника Дмитрия. Он писал:

«Дорогая Карина! Пишу тебе из Вологды. Мы работаем на раскопках крепости Ивана Грозного. Много интересных находок, погода прекрасная, все время светит солнце. Скучаю по нашему городу. Белые ночи здесь были как у нас. Хожу в Софийский собор, здесь очень интересные фрески. Вологда – красивый зеленый город, много яблоневых садов и старых деревянных домов с затейливой резьбой. В этих деревянных орнаментах я разглядел языческие мотивы: древо жизни и птицу счастья. Утром идем на работу, заря румянит небо, в садах зреют яблоки, красиво как в раю. Хотелось бы мне гулять с тобой по Вологде, подняться на неоготическую колокольню и осматривать окрестности. Налево, вдоль реки, видны мощные башни Спасо-Прилуцкого монастыря. Мы были там в прошлое воскресенье. В следующую субботу нас повезут в Ферапонтово на встречу с фресками Дионисия. Как бы я хотел посмотреть их вместе с тобой. Когда мы вернемся в наш город, нам надо будет о многом поговорить. До встречи, твой однокурсник Дмитрий».

Девушка несколько раз перечитала дорогое письмо. Сердце ее стучало часто, а в душе звучали ангельские хоры. Права была Даша из «Хождения по мукам»: «... если бы выдумать такой инструмент и приставить сюда, – Даша положила руку на грудь, – можно бы записывать необыкновенные вещи... – Даша тихо запела».

Память у Карины превосходная, почти фотографическая. Она могла наизусть цитировать отрывки из своих любимых книг.

Дмитрий, Дима, высокий, голубоглазый. Его золотые волосы завиваются в колечки, как у древних греков. Именно таким, сильным, красивым, широкоплечим представляла Кора скульптора Пандиона из романа Ефремова «На краю Ойкумены». Дима тоже читал и любил Ефремова, но ему больше нравилась книга «Туманность Андромеды» о великом космическом будущем человечества. Скорее бы оно настало!

Кора сунула под подушку оба письма – прочитанное и непрочитанное. Письмо мамы она почитает позже, а сейчас ее ждет ставший родным раскоп. Девушка переоделась в рабочую одежду и прибежала на рабочее место, опоздав всего на пять минут. Профессор мрачно взгля-

нул на нее, но решил не портить ей и себе радостное пятничное настроение. Девушка светилась от счастья, глаза ее сияли, губы улыбались.

– Начали, – дал команду землекопам-практикантам профессор. Кора привычно взяла в руки сито...

Вечером, после ужина остатками обеда, парни разожгли костер. Баба Надя с дедом Павло вернулась в свое село, обещала утром в понедельник привезти молодежи домашних пирожков. А в субботу и воскресенье студенты готовят себе сами.

В конце трудовой недели молодежь пребывала в приподнятом настроении. Кора еще раз переделалась в джинсы, сшитые ее мамой, и чистую белую рубашку. Ночью становилось прохладно, особенно это чувствовалось после дневной жары. У костра, под звездным небом, студенты окружили профессора. Он с удовольствием оглядывал свою команду, отмечая умные живые взгляды молодых людей и девушек. Они уже привыкли к интеллектуальной работе, в глазах их светились такие же искры интереса, как алмазные звезды в ночном крымском небе.

– Ну, что бы вы хотели сегодня услышать? – обратился Андрей Петрович к своей молодой аудитории.

– О любви, – робко выдохнула Леночка, подруга Кору.

– Что же вам рассказать? В Древней Греции любви не уделялось такого внимания, как в последующие эпохи. А формы любви, которые практиковали греки, могли бы вас шокировать, – начал профессор.

– А Дафнис и Хлоя? – спросила Кора со своего места.

– Это древнегреческий роман, – ответил Андрей Петрович. – В жизни тогда все было проще и грубее. Вспомните «Золотого осла» Апулея, как там трактуется любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.